

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX ВЕКА: К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Н. УШАКОВА

Представлены историко-лингвистические материалы, связанные с научно-педагогической деятельностью видного отечественного лингвиста Д. Н. Ушакова, пропагандиста идей своего учителя академика Ф. Ф. Фортунатова и талантливого педагога-практика. Биографический очерк раскрывает интересные факты из жизни, творческих исканий и научных разработок ученого. Его фигура включена в социокультурные процессы эпохи первой половины ХХ столетия. В статье говорится о новых приоритетных направлениях отечественной лингвистики, которые были подхвачены представителями Московской формальной школы и получили развитие в их трудах и экспериментах. Особое внимание автор уделяет практической деятельности Д. Н. Ушакова, методике преподавания языко-ведческих дисциплин. Впервые публикуются мемориальные материалы: переписка академика А. А. Шахматова с Д. Н. Ушаковым; статьи «Алфавит», «Фонетика»; отзыв Д. Н. Ушакова о «Методике русского языка» П. О. Афанасьева.

Ключевые слова: история языкознания, Московская лингвистическая школа, компаративистика, языковое строительство, лексикография, персонология, филологическое наследие

Культурные события в филологической науке 2018 года весьма разнообразны и значительны: двухсотлетний юбилей академика Ф. И. Буслаева, 170-летие со дня рождения главы Московской формальной школы академика Ф. Ф. Фортунатова, 145-летие одного из самых ярких, интересных и по-человечески притягательных ученых из когорты славистов дореволюционного пантеона отечественной науки члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова. Эти три имени неразрывно связаны одной прочной *традицией*: вехи их биографии можно соотнести с этапами развития российской лингвистики и превращения ее в передовую отрасль гуманитарных знаний; эти ученые передавали по цепи те основания филологии, на которых впоследствии выстроилась «ававилонская башня» словесности. Все они, несмотря на разность их взглядов и смену научных предпочтений, принадлежали к одному культурному направлению в языкознании: Ф. И. Буслаев стоял у истоков становления Московской лингвистической школы, его учеником в столичном университете был Ф. Ф. Фортунатов, избравший компаративистику главным звеном в своей профессиональной деятельности, а его последователем как в области изучения реальных фактов языка, так и в преподавательской работе стал бывший воспитанник Д. Н. Ушаков, утверждавший традиции золотого века русской филологии в сложных условиях научных сражений XX столетия.

Дмитрий Николаевич Ушаков родился 24 января 1873 года. Он известен в науке как видный ученый-славист, историк русского языка,

лексикограф, организатор многих крупных научных и общественных начинаний, «учитель учителей». О нем немало написано и сказано [1], [2], [4], [5], [6], [7], [8], [10], но тем не менее юбилей – возможность обратиться к его письмам, черновикам, редким и забытым публикациям и воспоминаниям коллег.

Д. Н. Ушаков, москвич по рождению, с детских лет впитал культурную среду образованного общества (его отец был глазным врачом, доктором медицины, а мать – дочерью священника). Он окончил 5-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета, где прошел школу у академика Ф. Ф. Фортунатова. Подобно учителю, и Д. Н. Ушаков вначале занимался «древностями»: исследовал склонение у Гомера (так, кстати, называлась тема его кандидатского сочинения), штудировал труды классиков компаративистики, осваивал необходимые опорные языки, и прежде всего санскрит, древнегреческий, латинский, старославянский и др. После окончания университета в 1895 году он долгое время преподавал в средней школе, а позднее учебную практику совместил с работой в Московском университете и на Высших женских курсах уже в качестве приват-доцента. Особое внимание как ученый и педагог он уделял родному языку, его говорам, культуре речи. А с созданием Московской диалектологической комиссии¹, у истоков которой стояли выдающиеся русские ученые академики А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш, он стал ее деятельным участником,

позднее – председателем, собрав вокруг себя единомышленников – Н. Н. Дурново, А. М. Селищева, М. Н. Петерсона, И. Г. Голанова, А. А. Буслаева, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Г. О. Винокура, В. Н. Сидорова, С. С. Высоцкого, Р. И. Аванесова и других. Это время он вспоминал с особенной теплотой (см. подробнее: [3]).

Еще в дореволюционные годы Д. Н. Ушаков выпускает учебные руководства и книги «Краткое введение в науку о языке» (первое издание – 1913 год) и «Русский язык»², где впервые в доступной форме объяснялись основы этой науки, обосновывались исторический подход к анализу языковых явлений и общегуманистические ценности, не совместимые с «классовой борьбой» в языке. Один из его ближайших соратников и учеников М. Н. Петерсон вспоминал:

Принято считать, что общее языковедение не было специальностью Дмитрия Николаевича. Это не совсем правильно, ибо вся деятельность Дмитрия Николаевича была посвящена общему языковедению, только проблемы общего языковедения решались им на русском материале. Когда говорят об общем языковедении, тогда всегда вспоминают «Краткое введение в науку об языке». Да, правильно, эта небольшая книжка сыграла большую роль и продолжает ее играть и сейчас. Обычно говорят, что это популяризация известной работы Фортунатова. Это не совсем точно, хотя, пожалуй, Дмитрий Николаевич сам тоже так смотрел на свою работу. Но что такое было это введение у Фортунатова? Это была общая часть общего курса сравнительной грамматики индоевропейских языков, общая часть среди сравнительной фонетики, сравнительной морфологии этих языков. Дмитрий Николаевич никогда не читал сравнительной грамматики индоевропейских языков. У него это введение было дано в другом контексте, как введение в изучение **современного русского** (выделено нами. – *O. H.*) языка [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 66 и далее].

И далее автор говорил о том практическом наполнении деятельности Д. Н. Ушакова, которое и составило смысл его жизни и позволило воспитать удивительных, ярких последователей, пронесших знамя Московской лингвистической школы сквозь время «контрабандистов в языкоznании»:

Я, один из старейших учеников Дмитрий Николаевича, помню, какая новая свежая струя пришла к нам в Университет вместе с просеминариями Дмитрия Николаевича. Эти просеминарии были действительно введены в изучение современного русского языка. Они давали то, **чего не было тогда в университете** (выделено нами. – *O. H.*), там не было тогда истории языка и современного русского языка. На этих просеминариях как будто бы просто и легко делалось очень большое и серьезное дело, создавалась транскрипция русского языка, причем не одна транскрипция. Люди, занимавшиеся на этих просеминариях, затем, выходя из Университета, шли в Диалектологическую комиссию и там становились исследователями [Там же].

М. Н. Петерсон подчеркивал, что Д. Н. Ушаков остро чувствовал новые веяния в науке и прилагал большие усилия к изучению явлений

современной языковой практики, той социальной «прослойки», которую часто игнорировали прежние поколения лингвистов, предложив целую программу синхронического освоения пространства родного языка:

В этой диалектологической комиссии, так скромно помещавшейся в подвале Исторического музея, создавался метод изучения диалектологии, причем метод **совершенно другой** (выделено нами. – *O. H.*), чем на западе, чем во Франции или Германии, и метод, по-моему, гораздо более совершенный. Этот метод требовал непосредственного соприкосновения с говорами. Бывало очень часто, что опросным листкам не верили, и кто-то должен был ехать проверять, иногда по железной дороге, иногда на пароходе, иногда на велосипеде, так ли это на самом деле. Этот метод изучения цельного говора живого человека во всей системе я считаю гораздо более совершенным, чем всякие другие, и теперь он применяется широко, так как после курса диалектологии всегда следуют экскурсии. Этот метод зародился именно там и именно в эти годы. Таким образом университетская наука сближалась с жизнью, она все время шла в жизнь и оттуда порочила новые силы.

Точно так же как будто бы была создана очень важная отрасль орфоэпии. Это также имеет свою историю, большую и глубокую историю. Но я думаю, что для раскрытия всей этой истории нам придется еще проделать большую исследовательскую работу, и только тогда наследство нашего дорогого Дмитрия Николаевича будет оценено по достоинству (полный текст см.: [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 66–68]).

Именно последовательное отстаивание интересов подлинной науки, ее исконных корней и борьба с демагогами всех мастей в непростые 1920-е годы обеспечили Д. Н. Ушакову и коллегам репутацию adeptov «буржуазных теорий» и «неисправимой индоевропеистики». Но именно он выступал против сокращения количества лет обучения в высшей школе (с пяти до четырех), именно он, будучи председателем Лингвистической секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, приглашал на работу многих талантливых опальных или безработных в то время ученых, создавая им атмосферу живого общения и публичного обсуждения ставших «непопулярными» проблем исторической филологии и славистики.

Декан филологического факультета МИФЛИ А. М. Еголин справедливо рассказывал о тех непростых годах:

Я думаю, что не будет преувеличением, если я скажу, что из всех 12 кафедр (Московского института философии, литературы и искусства, где преподавал до войны Д. Н. Ушаков. – *O. H.*), работу которых я очень хорошо знал, ни на одной кафедре не было такого внимательного, бережного, чуткого отношения к росту молодых научных работников, как на кафедре, которую возглавлял Дмитрий Николаевич Ушаков, начиная с экзаменов и кончая защитой диссертации [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 2–3].

С конца 1920-х годов Д. Н. Ушаков становится во главе авторского коллектива по подготовке

первого толкового словаря советской эпохи. Позже его назовут «Ушаковским». И это действительно так: на нем лежала вся организационная работа, им был собран коллектив авторитетнейших молодых ученых, специалистов по лексикографии, стилистике, истории русского языка. С. И. Ожегов, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Б. В. Томашевский – эти имена его соратников и ближайших помощников вошли в историю как самоотверженные «движители» (выражение С. И. Ожегова) словаря³. Помощник Д. Н. Ушакова по словарной работе С. И. Ожегов так оценивал результаты работы:

Толковый словарь прежде всего постарался ответить на самое главное требование современников – установить нормы литературного языка в словарном запасе, в образовании слов, в ударении слов и форм, в произношении. Здесь, в этой работе установления норм и границ литературного языка наиболее полно отразилась широта взглядов Дмитрия Николаевича и сила его творческой интуиции. Он никогда не настаивал на введении в словарь своего собственного словоупотребления или произношения, если видел, что живыми элементами языка являются другие, хотя бы и чуждые его словоупотреблению и его лингвистическим вкусам. Это привело к тому, что словарь отразил в своем составе реальные для современности лексические границы языка. Принципы установления границ были таковы, что не связывали развития литературной речи, как это было во французских словарях. Словарь предусматривал возможность включения в состав литературной речи слов и выражений, пригодных для разнообразных речевых жанров, для различных сфер употребления. Стилистическая классификация слов является неотъемлемой заслугой Словаря и заслугой прежде всего Дмитрия Николаевича, тонкого ценителя и знатока стилистических нюансов литературной русской речи. Широкое проведение стилистической классификации слов, расширяющей границы литературного словоупотребления, было новшеством как в русской, так и в иностранной словарной практике и отражало в сущности специфическую сложность лексики русской литературной речи.

С той же широтой, не стесняющей развития литературного языка, нормализовалось и образование формы произношения и ударений. По мысли Дмитрия Николаевича, в Словаре представлены все необходимые и возможные варианты с соответствующими стилистическими указаниями, с указаниями на ту или другую степень употребительности их в литературном языке [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 29–30].

Во времена репрессий и гонений на ученых Д. Н. Ушаков, зная о возможных последствиях, всегда старался помочь своим коллегам найти работу и, что самое главное, – сохранить жизнь. Он не раз хлопотал за В. В. Виноградова, В. Н. Сидорова, А. М. Селищева (см., напр., [9]) и проявил себя в эти годы как подлинный интеллигент, филолог-боец и настоящий ученый, «чистый сердцем человек» (так назвал Д. Н. Ушакова один из участников заседания памяти ученого в 1942 году).

Д. Н. Ушаков был и профессиональным художником-акварелистом, тонко чувствовавшим

переливы и оттенки художественного пространства бытия. А. А. Реформатский очень верно подметил эту черту:

Ушаков всегда искал в языке живое и современное, отсюда его постоянный интерес к звучащей речи, к проблеме нормы в орфоэпии и письме, к речи на сцене, к языку художественной литературы. Я бы добавил к этому еще одну черту Дмитрия Николаевича: он был настоящий художник-живописец; он писал маслом, рисовал карандашом, но больше всего любил акварель. Отдыхая осенью в Большеве, Дмитрий Николаевич привозил оттуда обычно коллекцию своих акварельных рисунков, где особое место занимали «небеса» (и чистые, и с различной причудливой раскраской облаков) и листья... Этот стиль акварельной миниатюры был присущ Дмитрию Николаевичу органически и проявился во всем, будь то лекция, статья, обработка словарного азбача или забавная поговорка, удачный каламбур или ладно скроенный анекдот (цит. по изд. [1: 80]).

Последние несколько лет перед Великой Отечественной войной Д. Н. Ушаков работал в Институте языка и письменности АН СССР и легендарном Московском институте философии, литературы и истории, занимая должность заведующего кафедрой славяно-русского языкознания. И опять он собрал здесь лучшие силы, способные с подобающей глубиной, педантичностью и одновременно живой исследовательской интонацией преподавать русский и славянские языки, спецкурсы по необычным дисциплинам, готовить защищать диссертации, воспитывать новое поколение филологов-классиков. В первые месяцы войны он вместе с сотрудниками института был эвакуирован в Ташкент. Там 17 апреля 1942 года закончился жизненный путь Д. Н. Ушакова.

В настоящую подборку архивных материалов включены письма и статьи Д. Н. Ушакова, отражающие разные стороны его филологического и человеческого облика. Публикации сопровождены необходимыми комментариями и атрибуцией источников.

I. ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. А. ШАХМАТОВА С Д. Н. УШАКОВЫМ (1903–1907)

Письма отражают период становления ученого, поиска им собственных научных ориентиров. В этой связи фигура академика А. А. Шахматова, с которым Д. Н. Ушакова связывали многолетняя переписка, сотрудничество в Московской диалектологической комиссии и личные дружеские отношения, выступает не столько в роли «покровителя», а скорее «окормителя» интересов своего младшего коллеги. Описываемые события важны для истории языкознания еще и потому, что о Д. Н. Ушакове сложилось представление только как о знатоке словарного дела, специалисте по русскому языку. Найденные нами фрагменты отражают другую, почти неизвестную сторону его многогранной деятельности, связанную с изучением памятников русской старины, летописей.

1. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Мне кажется, Вам будет трудно справиться с характеристикой памятников Ростовско-Сузdalской области между прочим по причине[,] Вами указанной: язык их не представляет редких диалект^{<ных>} особенностей. Времени у Вас мало и вряд ли можно при 5–6 часах в неделю осилить скоро десятки рукописей. Думаю, что Вы могли бы дать интересную статью по языку Псковской 2-й летописи и всей той рукописи, где она заключается, но статья эта вряд ли даст Вам возможность представить в ней настоящее исследование: лучше придать ей строго описательный характер. А для исследования не остановиться ли Вам на одном синтакс^{<ическом>} вопросе, рассмотреть который по массе изданных памятников можно сидя у себя в кабинете? Этот вопрос – согласование числительных с существительными. Он очень сложен, обилен явлениями и соприкасается с целым рядом других синтаксических и морфологических вопросов: потеря двойств^{<енного>} числа, склонение числительных и т. д. Если взять язык летописей, актов и других русских произведений, можно извлечь любопытнейший материал для освещения относящих[ся] сюда явлений. Соедините же его с явлениями созвр^{<еменных>} говоров – и Вы получите обширную научную задачу.

Напишите о работе над Псковской летописью. Не может ли Вы ее окончить к осени 1904 года. Если же Вы действительно займетесь другой темой, лучше оставьте работу над Синод^{<альной>} рукописью.

Известия и Словарь⁴ будут Вам высланы в ноябре.

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 13 окт^{<ября>} 1903

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 3–3 об. Автограф.

2. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Будьте добры, напишите мне, как идут Ваши занятия. Работаете ли Вы над Псковской летописью? Последнее меня очень интересует между прочим потому[,] что со-знаю всю важность Синод^{<альной>} рукописи при решении вопроса об особенностях древнего псковского гово-ра. Положиться же на печатное издание, конечно, нельзя.

Искренне уважающий А. Шахматов

[С.-Петербург] 6 октября 1904

Ак^{<адемия>} Наук.

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 6. Автограф.

3. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Благодарю Вас за письмо. Мы давно с Вами не переписываемся. Хорошо, что теперь весь материал по Псковской летописи у Вас под руками. Должно быть, много в нем интересного и еще совершенно неизвестного, ввиду крайней неисправности издания этой летописи в V т. П. С. Р. Л. Заглядывали ли Вы в остальную часть рукописи № 154? Она писана, кажется, тою же рукою, что псковская летопись[,] и вряд ли может быть оставлена исследователем без внимания.

Очень тяжело заседать в нынешнем году. С неприятным чувством вижу, как мало я в этом году сделал. Но каково положение исследователей, которым приходится выносить на своих плечах еще неурядицы в учебных заведениях!

Желаю Вам всего лучшего!

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 2 апр^{<еля>} 1906

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 7. Автограф.

4. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Очень обрадовало меня Ваше письмо. Давно не имел о Вас известий. Жалею, что Вы не написали мне о своих работах по Псковской 2-й летописи. Кажется, Вы уже давно осилили Синодальную рукопись и начали систематизацию добытого материала. Вы выдержали магистерский экзамен; теперь можете серьезно подумать о диссертации. Что поделывает Диалектол^{<огическая>} комиссия? С Федором Евгеньевичем⁵ не пришло как[-то] разговориться насчет нее.

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 21 апр^{<еля>} 1907

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 8. Автограф.

П. Д. Н. УШАКОВ. АЛФАВИТ

Публикуется сокращением по рукописному автографу Д. Н. Ушакова [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 50. Л. 1–4 об.], представляющему собой текст статьи, предположительно датируемой нами серединой 1920-х годов, предназначавшейся для какого-то, по-видимому, учебного или энциклопедического издания (не опубликована). Заглавие работы авторское. На страницах настоящего издания публикуется его фрагмент. Рукопись представлена в современной орфографии на больших листах в линейку. При воспроизведении текста нами соблюдены авторские приемы выделения и сокращения слов, индивидуальные особенности пунктуации. Наши незначительные вставки указываются в квадратных скобках, а недописанные части слов раскрываются в угловых. Мы сохранили также названия языков и народов, принятые в то время в научной литературе. Выделение ряда языковедческих терминовдается курсивом.

Алфавит – система письменных знаков для передачи звуков языка (отдельных звуков или сочетаний). Слово «алфавит» составлено из названий двух первых букв греческой азбуки в новогреческом произношении (альфа, вита) подобно тому, как слово *alphabet* составлено из тех же названий в древнегреческом произношении (альфа, бета), или как «азбука» – из названий букв: аз, буки; встречаются еще названия для азбуки: «абэцеда»⁶ [–] от названий латинских букв (а, б, с, д), «абэвега»⁷ (а, б, в, г); таково же японское «и-ро-фа».

К посредству языка в целях письменной передачи мыслей человечество пришло не сразу, и алфавитное письмо является наиболее совершенной ступенью в истории развития письма. Значение алфавитного письма, а также история его возникновения выясняется из сопоставления с письменами безалфавитными. Так как пишут для того, чтобы передать свои мысли, то естественно, что человек первоначально попробовал идти самым прямым путем – старался изображать свои мысли картинками предметов, о которых думал. Такое первобытное письмо носит название *пиктографии* («картинное письмо»). От латинск^{<ого>} слова *pictus* – нарисованный[,] и греч. γράφω – пишу). Его можно встретить у североамериканских индейцев; так, например, одно прошение, поданное некоторыми племенами президенту С^{<единенных>} Штатов, представляет собою рисунок, где изображены рыба, журавль, медведь и другие

животные, именами которых эти племена называются и от которых ведут свое баснословное происхождение; серда и глаза всех их соединены линиями, что должно обозначать единодушие их просьбы, а предмет просьбы – несколько озер – изображены тут же, и к этим изображениям проведена также линия. <...>

Более удобным путем для письменной передачи мыслей оказался путь не прямой, а обходной: вместо того, чтобы изображать самый предмет, прибегли к посредству языка и стали передавать на письме слова, называющие предметы мысли, обозначая условными знаками (буквами) звуки или сочетания звуков.

2) Так возникло алфавитное письмо. Буквы часто обнаруживают свое происхождение из идеографических или пиктографических знаков. Оно называется звуковым в широком смысле слова, обнимающее и письмо слововое, или силлабическое, в котором отдельная буква (одна или с каким-либо значком) передает целый слог, и письмо звуковое в узком смысле, в котором отдельная буква назначена для передачи отдельного звука; оба эти приема могут одновременно иметь место в одной и той же системе письма.

История письмен показывает, что системы письма, как и другие факты культуры, заимствуются одним народом у другого, причем это заимствование не обуславливается родством языков: один и тот же алфавит употребляется часто для языков[,] ничего общего по происхождению между собой не имеющих; таково, например, применение арабского письма к арабскому языку (язык семитский), турецкому (язык урало-алтайский) к новоперсидскому (язык индоевропейский). Распространяются и перенимаются алфавиты чаще всего вместе с распространением религий: таково распространение арабского письма вместе с исламом, распространение сирийского (арамейского) письма несторианскими миссионерами в Азии, греческого – среди народов православной церкви, латинского – католической и т. п.

Пиктография нигде не вылилась в определенную систему. Идеографическое письмо известно у китайцев, древних египтян, сумерийцев, вавилонян и хетитов. <...>

Самыми младшими потомками греческого алфавита являются два славянских: так называемые глаголица и кирил[лица]. Древнейшие памятники того и другого восходят к X в. После долгих споров по вопросу о происхождении и взаимном отношении этих азбук, в науке господствует теперь мнение об изобретении кирил[лицы] Кириллом, о более позднем возникновении кирил[лицы] и о происхождении обеих из греческого письма: глаголицы [–] из греческой скорописи IX–X в., а кирил[лицы] [–] из греческого литургического уставного письма того же времени. <...> Русская «гражданской» азбука, введенная Петром Великим в 1708 г., представляет собою кирил[лицу] с исключением из нее нескольких букв и с видоизменением буквенных начертаний по образцу латинских букв. Позже Петра состав русской азбуки пополнился буквой Э, а с введением новой орфографии (в мае 1917 г. для школ, а в декабре 1917 г. для печати и делопроизводства) уменьшился вследствие исключения букв: Ё, і, Ѳ, Ѵ <...>. Нашу гражданскую азбуку переняли болгары и сербы, внеся в нее некоторые буквы сообразно потребностям своих языков. <...>

III. Д. Н. УШАКОВ. ФОНЕТИКА

Статья была написана, по-видимому, в конце 1920-х годов и предназначалась для Энциклопе-

дического словаря Русского библиографического института Гранат, где и была впервые опубликована (изд. 7-е, перераб. Т. 44. М., б. г. Стлб. 243–245). В фондах Д. Н. Ушакова в Архиве РАН (ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 51. Л. 1–4) сохранился машинописный подлинник этой же статьи ученого с правкой от руки (не датирован) с аналогичным текстом и очень незначительными вкраплениями, которые внесены нами в окончательный вариант. В дальнейшем эта статья была забыта и ни разу не переиздавалась, хотя представляет немалый интерес как образцовая словарная работа энциклопедического типа, где подробно, ясно, методично и с присущей Д. Н. Ушакову педантичностью объяснено сложное языковое явление. Его рассуждения могут быть полезны и нынешним преподавателям-руристам и студентам.

Фонетика (от греч. *φωνη* – голос), отдел языковедения, изучающий звуки речи, в отличие от грамматики, состоящей из морфологии и синтаксиса и изучающей формы слов и словосочетаний, и от семасиологии, изучающей значения слов. Ф. может быть описательная, или статическая, если описывает звуковой состав какого-либо языка в известную эпоху его жизни, – историческая, если излагает историю звуков, – сравнительная, если привлекает для сравнения факты других языков; обыкновенно историческая является в то же время и сравнительной, так как история языка вскрывается обычно сравнительным методом. Наконец, Ф. называют также, в особенности немецкие лингвисты, физиологию звуков речи – дисциплину, изучающую образование звуков речи и их акустическую природу. Физиология звуков речи говорит о том, какие вообще могут быть звуки в человеческом языке и как они образуются, Ф. какого-либо языка говорит о том, какие из вообще возможных звуков есть в данном языке и как они произошли. Так как физиология звуков речи является необходимым основанием для всякой Ф., то ее называют еще общей Ф. Известен еще, но мало употребителен, термин «антропофоника». Общая Ф. исходит из данных анатомии и физиологии, изучая строение органов речи и их работу, с помощью которой получаются звуки человеческой речи. Органами речи являются легкие, дыхательное горло с гортанью, полость носа и полость рта, а в этой последней – язык, нёбо, зубы и губы. Главнейшую роль в образовании звуков играет язык (недаром во многих языках, как и в русском, тем же словом «язык» обозначается и самая речь). Легкие подают, как мехи в органе, воздух, без выздыхания которого не может быть звука. В гортани, при дрожании т. наз. голосовых связок, образуется музыкальный звук, называемый «голосом» и входящий в состав очень многих звуков, однако не всех: звуки речи могут быть и без голоса (напр., *ш*, *с* и др.). Волна воздуха, с голосом или без него, из дыхательного горла попадает в полость рта, а если полость носа открыта, – а это бывает, если мягкое нёбо, т. наз. «нёбная занавеска», опущено, – то и в полость носа; обе эти полости играют роль резонаторов, причем с участием носовой полости образуются т. наз. носовые звуки (*н*, *м*, носовые гласные).

Разнообразие звуков речи зависит от чрезвычайно разнообразных положений, или т. наз. артикуляций, языка, нёба, губ. Обычное деление звуков на гласные и согласные имеет основание в весьма сильном

акустическом различии этих двух классов звуков; физиологически же их различие сводится не более, как к степени участия одних и тех же органов речи: в общем, при согласных проход для воздуха гораздо более затруднен, чем при гласных. Различие гласных зависит от места подъема языка к нёбу, степени этого подъема, состояния языка (напряженного или ненапряженного) и от участия губ. Напр., звуки *и*, *э* образуются при поднятии передней части языка к переднему нёбу, причем при *и* этот подъем выше, чем при *э*; звук *ы* – при поднятии языка к среднему нёбу, при этом на ту же высоту, как при *и*; звук *а* – при незначительном подъеме задней части языка к заднему нёбу; звуки *у*, *о* – тоже задние гласные, причем *у* образуется выше, чем *о*, но оба они в отличие от ранее приведенных примеров образуются при вытянутых и округленных губах (лабиализация); нем. *ü*, *ö* тоже лабиализованные звуки, но переднего ряда, а по высоте подъема между ними такое же соотношение, как между *у* и *о* или между *и* и *э*. Различие в напряжении языка отражается на тембре гласного звука: т. наз. «напряженные» гласные имеют более «металлический» оттенок сравнительно с ненапряженными; таково франц. *é* в отличие от *è*, русское *э* в *эти* в отличие от *э* в *эта*. Напряженные гласные называют также (по степени растворения рта) узкими или закрытыми, а ненапряженные – широкими или открытыми. Все гласные могут быть носовыми, если при их произнесении открыт проход в полость носа. Согласные различаются: 1) по органам, их образующим: нёбные или язычные (участвуют язык и нёбо), напр., русские *к*, *г*, *х*; зубные, напр., *с*, *ш*, *з*, *ж*, англ. *th*; губные, напр., *п*, *б*, *ф*, *в*; горланные, напр., украинское придыхание *г*; 2) по способу образования шума, а он образуется либо взрывом воздуха при быстрым размыкании плотно сомкнутых органов («взрывные» звуки), либо трением воздуха в узком проходе между сближенными органами («фрикативные» звуки, от лат. *fricare* «тереть»); напр., *к* – нёбный взрывной, *х* – нёбный фрикативный звук, *т*, *д* – зубные взрывные, *с*, *ш* – зубные фрикативные, русские звуки *п*, *б* – губные взрывные, а *ф*, *в* – зубно-губные (участвуют верхние зубы и нижняя губа) фрикативные; 3) по участию голоса: согласные «глухие», состоящие из одного шума, без участия голоса, напр., *к*, *х*, *с*, *т*, *п*, *ф*, и «звонкие», состоящие из шума и голоса, но с преобладанием шума, напр., *г*, *д*, *з*, *ж*, *б*, *в*, и согласные «сонорные», состоящие из шума и голоса, но с преобладанием голоса: плавные – *р*, *л*, и носовые: *н* (по месту образования или зубное, каково русское *н*, или задненёбное, каково, напр., нем. *n*, перед *k* или *g*: *danke*) и *м* (губное). Есть звуки сложные: «аффрикаты», соединяющие в себе свойства взрывного и фрикативного, напр., русск. *ц*, как бы состоящее из элементов *t+c*, русск. *ч* (*t+ш*) и др., и «аспираты» – согласные, сопровождаемые придыханием, образующимся в горле (таково нем. начальное *t*, напр., в *ton*). – Все эти качественные различия, или различия в тембре, зависят от различий в резонаторе, т. е. полости рта: форма и величина этого резонатора меняется в связи с различными положениями, которые принимает гл. обр. язык. Кроме них, Ф. наблюдает различия и количественные, т. е. различия во времени, затрачиваемом на произнесение того или другого звука; далее, различия в тоне или высоте, с которой звуки произносятся, и различия в силе, с которой выдыхается воздух при произнесении звука. На этих последних различиях основаны: 1) явление слога: на одни звуки приходятся выдохи (звуки слоговые), другие произносятся вместе с ними той же порцией вы-

дыхаемого воздуха (неслоговые); этим речь разбивается на частицы, называемые слогами, и 2) явление ударения: ударяемый звук – выделяющийся из ряда других слоговых особой силой; при этом выделение по силе может сопровождаться и большей высотой; поэтому ударение бывает экспираторным, или выдыхательным (как русское), или музикальным (как древнегреческое), смотря по преобладанию того или другого элемента. – Фонетическими изменениями звуков называются такие, которые совершаются по физиологическим причинам, в отличие от других, не фонетических, которые совершаются по психической ассоциации (что иначе называется изменением «по аналогии»), путем влияния одного слова на другое, вроде *руке* вместо старого *руче* под влиянием *рука*, *рукой* и др., *пекёшь* вместо *печешь* под влиянием *пеку* и т. п. В фонетических изменениях различают спонтанические, или изменения сами по себе, и комбинаторные, совершающиеся под влиянием известных фонетических же условий: положение звука под ударением или без него, в конце, в начале слова, в соседстве с тем или иным звуком и т. п. Пример спонтанического изменения, т. е. такого, которое наступает везде, при всяком положении звука в слове, может служить переход *о* носового в древнейшую пору русского языка в чистое *у*, или переход звука – дифтонга *ie*, изображавшегося в старину буквой *ѣ*, во многих русских говорах в *е*. Причина этих изменений лежит в изменении самых артикуляций, происходящих постепенно, гл. обр. при передаче языка из поколения в поколение. Пример комбинаторного изменения – переход в великорус. языке *е* в *о* (пишется *ё*) при двух условиях: в положении под ударением перед твердым согласным: *мед* – *мёд*, *несем* – *несём*; без этих двух условий такой переход не наступал: *деньги* (н мягкое), *несу* (безударное положение). К изменениям этого же рода относятся ассимиляция и диссимиляция звуков. Ассимиляция, или уподобление, состоит в том, что рядом или близко стоящие звуки уподобляются один другому вполне (полная ассимиляция), напр., латин. *affirmo* из *adfirmo*, русс. *омман* из *обман*, или отчасти (неполная): напр., переход в русск. языке глухих в звонкие в соседстве с звонкими или наоборот; так, *сделать* произносим зделать: прежний звук с глухой (память о котором сохраняет буква) перешел в соответствующий звонкий з вследствие того, что за ним следовал звонкий *д*; причина лежит в том, что начало работы органов («экспурсия звука») для звука *д*, а именно дрожание голосовых связок, наступает несколько ранее, захватывая окончание работы, нужной для звука *с* («рекурсию» его), а з отличается от с только тем, что в нем существует голос, т. е. дрожание голосовых связок. Обратный пример – переход звонкого *в* в глухой *ф* под влиянием следующего глухого в русск.: *вписать* (произносим *фписать*). Пример диссимиляции – русск. *февраль* вместо *феврарь* из лат. *Februari*s, народное *колидор* вместо *коридор*.

Фонетическим, или звуковым, законом условно называется определение, что в таком-то языке, в такое-то время при таких-то условиях произошло такое-то изменение. Ф. законы не имеют исключений; кажущиеся исключения объясняются или действием другого фонетического закона, или действием аналогии, или заимствованием из другого языка (или диалекта), где такого закона нет. – Фонетическим письмом называется написание по произношению, напр., разбить, но раскусить, в отличие от письма этимологического, по происхождению, напр., хлеб, несмотря на произносимое

теперь *п.* Фонетическую транскрипцию в отличие от практического письма называется условная передача звуков для научных целей, так чтобы каждый отдельный звук имел свой особый знак, которым бы он всегда одинаково и передавался. В лингвистике чаще всего принято фонетически передавать звуки при помощи букв латинского алфавита с добавлением к ним других, а также различных условных значков, напр., передача русск. слова *ходит fxad'it'*, где запятые при согласных условно обозначают мягкость этих согласных. В общей Ф., кроме непосредственного наблюдения и самонаблюдения, пользуются также и специальными приборами (частью употребляемыми в общей физиологии), дающими объективные показания о силе, высоте и других свойствах изучаемых человеческих звуков; для изучения, в частности, артикуляций употребляется, между прочим, искусственное нёбо, на котором отпечатываются места касания языка с нёбом; в последнее время для изучения артикуляций обращаются и к рентгенологии. Лабораторный метод в Ф. принято называть экспериментальной Ф. Одним из основателей ее и наиболее выдающимся деятелем в этой области является французский лингвист Руссело.

Важнейшая литература: Sievers, «Grundzüge der Phonetik»; Iespersen, «Lehrbuch der Phonetik»; Томсон, «Общее языкovedение», где большое внимание уделено экспериментальной Ф.

IV. Д. Н. УШАКОВ. ОТЗЫВ О «МЕТОДИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» П. О. АФАНАСЬЕВА⁸

Наиболее ценным в этом кратком отзыве является высказывание Д. Н. Ушакова о формальной грамматике, в русле которой продолжались исследования и в советское время. Текст отзыва публикуется по машинописной копии без подписи [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 123. Л. 1] и датируется предположительно серединой – второй половиной 1930-х годов.

Я просмотрел только отдел обучения грамматике. Он состоит из двух частей: историко-теоретической и практической. Первый слабее второго. Особенно слабее характеристика логико-грамматического и формально-грамматического методов. Неотчетливость изложения

оставляет неясной для учителя сущность того и другого, и в особенности, второго.

Надо признать, что громадная масса учителей не отдает себе отчета в том, что название «формальный» – название условное, пожалуй, не совсем удачное, поддающее повод несведущим думать, будто так называемые «формалисты» – рекомендуют не обращать внимания на значения слов, вообще на смысл, ограничиваясь в изучении языка одной внешней формой. Вот это ходячее недоразумение, основанное на простодушном понимании термина «формальный» в общежитейском смысле «поверхностный, внешний», надо в интересах методической работы рассеять. Надо рассказать учителям, как «формалисты» впервые указали на пренебрежение языком при обучении русскому языку в школе, в частности, что, впрочем, очень важно, устранили существовавшее смешение языка с письмом и показали возможность давать уже в школе, кроме навыков, научные сведения о языке в доступном для детей виде.

Далее, надо отчетливее показать возможные крайности того и другого метода. Приводимые из Пешковского примеры неубедительны или бывают мимо.

Говоря о классификации слов, важно показать законность и пользу различия двух классификаций: логической и формальной, и через это выяснить необходимость синтеза их в школьном преподавании языка, которое призвано научить правильно читать, писать, говорить, понимать, умозаключать и[.] кроме того, дать в известной мере систематические знания о языке, не противоречащие науке.

Говоря о Пешковском, неплохо было бы указать, что из него вошло в школьный обиход (указание на зависимость слов в предложении парами соотносящихся слов, постановка вопросов к членам предложения не отдельно, а в виде небольших фраз, интонационный момент при анализе предложения: голос при точке и др.).

Практическая часть представляет собою развернутое руководство к преподаванию по стабильному учебнику Афанасьева и Шапошникова⁹. Она сделана хорошо и для массового учителя, всегда ищущего именно такого руководства, будет полезна. Мелкие замечания сделаны мною в рукописи и будут сообщены автору.

Замечания мои к первой части приняты автором во внимание при исправлении рукописи.

СОКРАЩЕНИЕ

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Диалектологическая карта русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. Пг., 1914; Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Пг., 1915.

² См., например, издания: Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. 7-е изд. М.: Работник просвещения, 1925. 146 с.; Ушаков Д. Н. Русский язык: [Учеб. пособие для пед. ун-тов и ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.»]. М.: Просвещение, 1995. 319 с.

³ См. подробнее об этом: Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001; Никитин О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. Tartu: Tartu University Press, 2006. С. 459–474; Никитин О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.

⁴ Имеются в виду издания Императорской АН: «Известия ОРЯС» и «Словарь русского языка», начатый Я. К. Гротом, а после его смерти редактируемый А. А. Шахматовым.

⁵ Имеется в виду знаменитый языковед Ф. Е. Корш (1843–1915), бывший в то время председателем Московской диалектологической комиссии. После его смерти работу возглавил Д. Н. Ушаков.

⁶ Такое написание в автографе.

⁷ Такое написание в автографе.

⁸ П. О. Афанасьев – видный специалист по методическим аспектам изучения русского языка, автор многочисленных работ по преподаванию родного языка в начальной школе и педагогикумах, дидактическому материалу на уроках грамоты и т. п. Здесь имеется в виду его учебник «Методика русского языка», неоднократно издававшийся в те годы (см., например: изд. 10, перераб. М., 1934).

⁹ См.: Афанасьев П. О., Шапошников И. Н. Как преподавать русский язык в начальной школе по стабильному учебнику. Харьков, 1934; Афанасьев П. О., Шапошников И. Н. Учебник русского языка для начальной школы. М., 1938.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высотский С. С. Д. Н. Ушаков и русская диалектология / Вступительная статья, публикация и примечания О. В. Никитина // Русская речь. 2003. № 6. С. 79–86.
2. Крысин Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков и «ушаковский» словарь // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 507–517.
3. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкоznания. 2002. № 1. С. 91–102.
4. Никитин О. В. «Чистый сердцем человек» (К 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова) // Русский язык за рубежом. 2003. № 3. С. 79–81.
5. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
6. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.
7. Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) / Публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 3. С. 63–81.
8. Последние письма Д. Н. Ушакова Г. О. Винокуру (1941–1942 гг.) / Публикация, вступление и примечания О. В. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 66–71.
9. «Самый видный славист» (отзыв Д. Н. Ушакова об А. М. Селищеве) / Предисловие, публикация и примечания О. В. Никитина // Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 2 / Под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. С. 163–167.
10. Филиппов В. А. Д. Н. Ушаков и театр / Публикация и примечания О. В. Никитина // Московский журнал. История государства Российского. 2003. № 5. С. 50–52.

Nikitin O. V., Moscow State Region University (Moscow, Russian Federation)

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN LINGUISTICS OF THE XXTH CENTURY: 145 YEARS SINCE D. N. USHAKOV'S BIRTH

This article presents a set of historical-linguistic materials related to the scientific-pedagogical activity of the prominent Russian linguist D. N. Ushakov. He is known as a propagandist of the ideas of his teacher academician F. F. Fortunatov and a talented practical worker. The biographical sketch reveals interesting facts from the life of the scientist, his creative research and personal scientific development. He is an active participant of the socio-cultural processes of the first half of the twentieth century. The article refers to the prioritized directions of Russian linguistics, which were caught up by the Moscow representatives of the formal school and further developed in their works and experiments. Special attention is paid to practical activities of D. N. Ushakov and to the methods of teaching linguistic disciplines. This is the first publication of the following memorial materials: correspondence between A. A. Shakhmatov and D. N. Ushakov; the articles “Alphabet”, “Phonetics”; review by D. N. Ushakov on the “Methodology of the Russian language” written by P. O. Afanasyev.

Key words: history of linguistics, Moscow linguistic school, comparative literature, linguistic construction, lexicography, personology, Philology, heritage

REFERENCES

1. Vysotskij S. S. D. N. Ushakov and Russian dialectology. *Russkaya rech'*. 2003. No 6. P. 79–86. (In Russ.)
2. Krysin L. P. Dmitry Nikolaevich Ushakov and “Ushakov's” Dictionary. *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. P. 507–517. (In Russ.)
3. Nikitin O. V. Moscow dialectological commission in reminiscences by D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown pages of the history of the Moscow linguistic circle). *Voprosy yazykoznaniya*. 2002. No 1. P. 91–102. (In Russ.)
4. Nikitin O. V. “Pure heart person” (130 years since D. N. Ushakov's birth). *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2003. No 3. P. 79–81. (In Russ.)
5. Nikitin O. V. Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920-ies (prehistory of “Ushakov's dictionary”). *Russkiy yazyk v nauchnom osveschenii*. 2004. No 1 (7). P. 195–228. (In Russ.)
6. Nikitin O. V. Essays on the history of Russian lexicography of the first part of the XXth century (explanatory dictionaries): A monograph. Slavyansk-na-Kubani, KubGU Publ., 2012. 232 p. (In Russ.)
7. In memory of D. N. Ushakov (50 years since depth), publication by N. D. Arkhangel'skaya and T. G. Vinokur. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1992. Vol. 51. No 3. P. 63–81. (In Russ.)
8. Last letters from D. N. Ushakov to G. O. Vinokur (1941–1942), publication, introduction and comments by O. V. Nikitin. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2001. Vol. 60. No 1. P. 66–71. (In Russ.)
9. “Most famous slavist” (A review by D. N. Ushakov to A. M. Selishchev), introduction, publication and commetsns by O. V. Nikitin. *Lingvisticheskoe otechestvovedeniye: kollektivnaya monografiya*. Ed. by V. I. Makarov. Vol. 2. Elets, EGU Publ., 2001. P. 163–167. (In Russ.)
10. Filippov V. A. D. N. Ushakov and the theatre, publication and comments by O. V. Nikitin. *Moskovskiy zhurnal. Istoryya gosudarstva rossijskogo*. 2003. No 5. P. 50–52. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.10.2017